

ОБРАЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖИЛЫХ

А. А. Проскурина

Проблема пожилых людей в современных условиях понимается в работе как нарушение социальной функциональности индивида. Цель исследования – выявить формы рассогласования потребностей индивида и его социальной деятельности – достигается посредством изучения образа деятельности, проявляющегося в желаниях и ожиданиях пожилых людей. Представлено эмпирическое исследование образа деятельности пенсионеров до и после участия в специально разработанной образовательной программе «Университет пожилых». Результаты показывают наличие и конкретные формы искажения субъективной сферы деятельности пожилых людей после выхода на пенсию. Делаются выводы о возможности коррекции этих искажений педагогическими методами.

Ключевые слова: социальная деятельность, ожидания, желания, образ деятельности, пожилые, возраст как социальное явление, университет пожилых.

Работа подготовлена на материале проекта «Университет пожилых 2.0», реализованного СРОО «Ассоциация выпускников СамГУ (КуГУ)» в 2018 г. при поддержке Фонда президентских грантов, проект 17-2-005755.

Даже беглый анализ научной литературы по проблемам пожилых показывает, что объектом абсолютного большинства работ является физическое здоровье пожилого человека, а также факторы, способствующие этому здоровью. Ведется поиск непосредственного решения проблемы удовлетворения потребностей растущего числа пожилых людей в медицинских и так называемых социальных услугах. Пожилой возраст представляется как комплекс взаимосвязанных функциональных нарушений: ухудшение физического состояния организма и связанные с этим ограничения функциональных способностей, снижение социальной активности человека и особый социальный статус, изменение функциональных социальных связей и т. д. (См., например, [Демидов, 2005; Дьяченко, 2009]). Эту парадигму можно назвать «пожилые как общественное бремя».

В каком случае человек любого возраста является бременем для общества и своих близких? Если он несамостоятелен. Вот,

*Об авторе:
Проскурина
Анна Александровна*

*канд. филол. наук, стар-
ший научный сотрудник
Института изучения
общественных явлений.*

*Адрес для переписки:
Россия, 443001, г. Самара,
ул. Молодогвардейская,
196.*

E-mail: proskurina@mail.ru

*ББК 87.6
УДК 316.33*

самостоятельность пожилых понимается, прежде всего, как способность выполнять бытовые функции, вести хозяйство, поддерживать свое биологическое существование. Предполагается, что после ухода на пенсию человек должен заниматься собой и своим бытом, его освобождают от необходимости делать что-либо для общества. Пожилой человек должен быть субъектом в отношении своей жизнедеятельности, в лучшем случае. Но достаточно ли такой самостоятельности для общества? Вообще-то, нет.

При такой организации общественной жизни, когда у пожилых людей нет пространства для общественной самостоятельности, они всегда объективно будут бременем для общества. На этом фоне усилия по изменению общественного мнения, эстетических вкусов, борьба с дискриминацией по возрасту – дело благородное, но бессмысленное с точки зрения изменения реального положения пожилых.

Выйти из этого круга можно, только встав на иные понятийные основания. В особенности, следует, на наш взгляд, перестать отождествлять пожилой возраст с уходом от социальной активности. Ведь образ немощного старика не является частью ни культурного, ни исторического опыта. Напротив, русская и советская художественная литература, например, изображает пожилого человека как значимую и весьма активную в социальном плане фигуру.

Иной, не физиологический подход к пожилому возрасту значит социальный (религиозные представления не учитываем). То есть человек в старости должен рассматриваться как социальный субъект, при этом отличный от других возрастов по качеству, а не по степени своей социальности. Социально-философскую парадигму такого понимания находим у А. В. Нечаева, который определяет возраст как «качественные изменения индивида как персонифицированного социального субъекта» [Нечаев, 2018b, с. 13]. Пожилой возраст в этом контексте характеризуется потерей человеком своих профессиональных функций и обретением новой социальной субъектности [Нечаев, 2018b].

Сам по себе пожилой возраст не является проблемой, с уходом на пенсию индивид не становится автоматически обузой для общества и близких. Но когда целая социальная группа теряет возможность осуществления социальной деятельности, вот в этом случае можно говорить о пожилом возрасте как о проблеме, но проблеме социального устройства, а не экономической проблеме соотношения иждивенцев и экономически активного населения (См., например, доклад Института Экономики роста им. П. А. Столыпина [Башкатова, 2018]) и не о личной проблеме стареющего человека.

Если человек теряет функциональность: выйдя на пенсию, больше не выполняет ту или иную функцию в общественном производстве – это не значит, что он должен перестать быть продуктивно-деятельностным. Социальность человека не тождественна участию в общественном производстве. Если «при устойчивом, нормальном функционировании физиологических систем организма происходит угасание социальной активности данного индивида» [Нечаев, 2018b, с. 14] – это аномалия, социальная болезнь.

Практические исследования социальной аномалии пожилого возраста

Проявления описанных социальных нарушений у пожилых людей были описаны в многочисленных практических исследованиях, хотя и не получив при этом теоретического осмысления. При наличии теоретической модели частные случаи ее реализации проследить нетрудно.

Доминирующий подход эмпирических социологических исследований пожилых заключается в том, что выделяются различные группы пенсионеров по критерию состояния здоровья, формы хозяйствования, наличия различных видов социальных связей или удовлетворенности своей жизнью, далее выявляются корреляции между этими свойствами. Это позволяет ученым предложить более эффективные формы взаимодействия различных общественных институтов с пожилыми. При этом исследователи нередко вплотную подходят к дескрипции особенностей социальной деятельности пожилых людей. Приведем несколько примеров таких эмпирических исследований.

Исследователи из Йельского университета искали пути повышения эффективности оказания сестринских и медицинских услуг пожилым людям. Действующую на момент исследования форму отношений персонала и пациента исследователи описали как модель контроля: запланированная врачом программа ухода осуществлялась вне зависимости от желаний и предпочтений пациента. Такая помощь имела низкую эффективность с точки зрения поддержания здоровья пациентов. После трансформации системы персонал начал корректировать программу помощи в зависимости от желаний пациента и с учетом привычного для пожилого человека образа жизни. Несмотря на то, что назначения врачей в этом случае выполнялись менее точно, тем не менее эффективность помощи значительно увеличилась, а число пожилых людей с необходимостью проживания в социальных учреждениях сократилось [Baker, Pallett-Neht, 1995].

Это и подобные исследования (например, [Noelker и др., 1998]) на практике подтверждают, что субъективность человека является ведущей по отношению к другим аспектам его существования. Лишение человека возможности контролировать свою жизнь, даже когда речь идет только о физиологии жизнедеятельности, делает самую высококвалифицированную помощь бессмысленной.

Этот вывод подтверждается исследованиями различных типов отношений. Так, у пожилых людей, которые поддерживают дружеские отношения, лучше физическое здоровье, более развиты когнитивные функции, эти люди более активны и оптимистичны, чем те пожилые, кто поддерживает только семейные отношения. Такую корреляцию выявили исследователи в Тайланде, США, Самоа. [Gallant, Spitze, Prohaska, 2007; Levy-Storms, Lubben, 2006; Thanakwang, Soonthorndhada, 2011]

Дружеские отношения означают, что человек способен осуществлять самостоятельную и целенаправленную деятельность за рамками того или иного общественного статуса и функциональности. Наличие таких отношений и такой способности не зависит от биологического возраста человека, молодой возраст этого не гарантирует. А вот в усло-

виях отсутствия формальной занятости поддержание способности к свободному осуществлению целостных отношений с другими людьми делает человека более функциональным.

Что происходит с людьми, лишенными таких отношений, показывает следующее исследование. Изучение оказания помощи пожилым со стороны полиции, проведенное американскими учеными, выявило, что наиболее частые вызовы полиции по «некриминальным поводам» и при этом высокая степень недовольства работой полиции характерна не для всех пожилых людей, а только для одной категории. Такой категорией оказались те люди, которые проводят большую часть времени в уединении, пассивны и не удовлетворены своими жизненными обстоятельствами [Schack, Frank, 1978, с. 88–89].

Конечно, можно сказать, что вздорные люди – всегда проблема для тех, кто по долгу службы должен им помогать. Вместе с тем, выводы авторов свидетельствуют о следующем. Выделяется группа людей, которые не находят способов продуктивного деятельного ответа на свою внутреннюю неудовлетворенность. Потребность в изменениях при этом не исчезает, она должна реализоваться в какой-то активности, пока человек жив. И здесь американская полиция оказывается «легкой добычей», которая позволяет пожилому человеку ощутить собственное существование.

Содержание исследования

Итак, корень проблемы современных пожилых людей следует искать в нарушении социальной субъектности человека, деградации его способности осуществлять собственную продуктивную деятельность. Это понимание позволяет сформулировать новые исследовательские вопросы и задачи. В особенности, на индивидуальном уровне каковы механизмы рассогласования потребностей индивида и его социальной деятельности? Как это рассогласование отражается в мировоззрении человека? Что в структуре личности человека приводит к тому, что вместо продуктивной социальной деятельности он начинает раз за разом осуществлять неадекватные, а иногда деструктивные действия?

В качестве первого шага к практическому исследованию нарушений социальной функциональности предлагаем изучить образ деятельности у пожилых людей. Если деградирует способность к продуктивной деятельности и если это нарушение имеет социальную природу, то оно должно отражаться в соответствующих представлениях человека и эти представления могут быть скорректированы социальными методами.

Следуя логике деятельностного подхода [Нечаев, 2016], полагаем, что различные аспекты образа деятельности можно проследить в ожиданиях и желаниях человека. В этих двух социальных явлениях по-разному соединяются потребности человека и его деятельность. Желание представляет собой деятельность человека по удовлетворению своей конкретной потребности [Нечаев, 2015, с. 14]. Анализ ожиданий субъекта может дать представление о его образе будущего, его субъективной оценке возможностей, направленности его деятельности.

Исследование проводилось в рамках образовательного проекта «Университет пожилых», проводимого Ассоциацией выпускников

Самарского (Куйбышевского) государственного университета в Самаре. В 2018 г. в проекте была апробирована новая образовательная программа, основанная на деятельностном подходе. Это гуманитарная программа, включающая в себя несколько предметных областей: чтение и художественная литература, английский язык, основы психологии, практикум «Образ деятельности» и компьютерная грамотность. Концепция программы и некоторые методические материалы опубликованы [Ресоциализация пожилых, 2018].

Исследование желаний и ожиданий пожилых проводилось методом неоконченных предложений. Испытуемых просили предложить три варианта продолжения для каждой из фраз:

Как и большинство моих сверстников, я жду...

В отличие от большинства моих сверстников я жду ...

Как и большинство моих сверстников, я хочу...

В отличие от большинства моих сверстников я хочу ...

Анкетирование проводилось два раза. Первый раз в нем приняли участие 94 человека в возрасте от 57 до 82 лет (в основном женщины). Эта группа испытуемых состояла из людей, проявивших интерес к участию в программе «Университет пожилых» и откликнувшихся на объявление в газете о наборе участников, условиями участия в анкетировании был возраст не моложе 55 лет и отсутствие формальной занятости. Второй раз анкетирование проводилось через 8 месяцев в группе окончивших программу «Университета пожилых», в нем приняли участие 30 человек в возрасте от 57 до 79 лет (в основном женщины). Состояние здоровья всех пожилых участников позволяло им регулярно лично принимать участие в мероприятиях Университета пожилых (пользоваться общественным транспортом для передвижения по городу, осуществлять учебную деятельность и т. п.).

Участники сами изъявили желание принять участие в образовательной программе, таким образом, осознавали определенную потребность в изменениях и искали удовлетворения этой потребности в Университете пожилых. Это небольшая группа людей по сравнению с теми, кто не имеет или не осознает потребности в дополнительной социализации.

Во-вторых, нужно отметить, что анкетирование проводилось в контексте заявки на участие в Университете пожилых. Это во многом определило тематику ответов: образование/ просвещение, проблемы общения, качество жизни, семейная жизнь, досуг, здоровье, общественно-политические темы.

Анализ полученных данных проведем в несколько этапов. В первую очередь, необходимо определить, проводят ли участники исследования различие между желаниями и ожиданиями. Если различие будет выявлено, то с учетом этого можно провести оценку тех аспектов желаний и ожиданий, которые относятся к деятельности.

Действительно, уже в первом анкетировании прослеживаются понятийно-речевые различия между желаниями и ожиданиями. Из ответов видно, что в качестве ожидания формулируются такие изменения, которые воспринимаются человеком скорее как внешние, фактически

от него независящие, ожидание чего-то, что наступает как общее обстоятельство.

Это проявляется как в конкретных ответах, когда в качестве ожидаемого события описываются природные факты («жду лета», «жду начала дачного сезона»), общественные изменения и изменение обстоятельств жизни («изменения жизни к лучшему», «выборов президента», «окончания строительства стадиона»), а также события и факты, характеризующие жизнь других людей («появления внуков», «проявление уважения к пенсионерам»).

Это же различие между ожиданиями и желаниями видно при сравнении ответов внутри отдельной анкеты, например:

Жду весну, внуков, повод для встречи. – Хочу быть здоровым, активным, жизнерадостным.

Жду перемен в обществе в лучшую сторону. – Хочу быть в курсе событий в обществе.

Я жду новых впечатлений. – Я хочу быть кому-то полезным в старости.

В качестве желаний, таким образом, описываются события, касающиеся человека непосредственно, собственное состояние и изменения в нем.

В разряд желаний попадают также такие внешние события и факты, которые воспринимаются как особенно значимые для человека лично. В этом смысле желания отличаются от ожидания еще и по степени интенсивности и степени важности для человека. Например,

Жду, чтобы жизнь стала лучше. – Хочу, чтобы власть повернулась к людям лицом

Жду, чтобы у пенсионеров стала достойная пенсия. – Хочу, чтобы на пенсионеров тоже обратили внимание.

Жду интересных встреч. – Хочу общения и любви своих внуков.

Жду, когда мой сын найдет постоянную работу. – Хочу стабильности в моей стране и не быть униженным.

В отличие от ожиданий желания намного чаще формулируются в форме глагола, например, такие пары ответов внутри анкет:

Жду оздоровления. – Хочу оздоровиться.

Жду улучшения жизни. – Хочу жить лучше.

Жду улучшения заботы о пенсионерах, больше возможностей развиваться. – Хочу учиться, не хочу сидеть на лавочке.

Таким образом, у респондентов присутствует достаточно выраженное речевое смысловое различие понятий «ожидание» и «желание». На этом основании можно проследить, какие изменения пожилые люди относят к разряду независящих от них обстоятельств, внешних благ, а что пожилые люди, хотя бы в какой-то степени, считают зависящим от них самих.

Данные первого анкетирования показывают, что в разряд не зависящих от моего желания попадают не только явления природы, общественные изменения и события, но и нередко события собственной жизни пожилого человека. Например, «жду возможности посещения театров и кино»; «жду прогулки на природу».

Поскольку анкеты заполнялись в рамках заявки на участие в программе «Университет пожилых», то многие формулировали свои жела-

ния и ожидания в отношении этого проекта. В разряд ожиданий попали, например, такие события:

«Жду приобретения новых знаний».

«Жду интересных занятий».

«Жду встречи с интересными людьми».

«Я жду дополнительных знаний в процессе обучения».

«Жду походов на концерты в театр».

Нужно отметить, что ни в одной анкете участие в программе «Университет пожилых» не попало в разряд желаний. Ни один из опрошенных не написал, что *хочет* пойти в театр, в музей, принять участие в том или ином культурном мероприятии или прочесть о чем-нибудь. Казалось бы, именно эти простые вещи, как участие в культурных мероприятиях, расширение кругозора, общение требуют, в первую очередь, самостоятельного действия человека и в обычной ситуации именно и осуществляются людьми самостоятельно. Однако люди, пришедшие заниматься в Университет пожилых, ждут, что эти события обеспечат для них другие.

Анализ первого анкетирования с точки зрения содержания желаемой деятельности показывает довольно узкий диапазон действия. Ни один ответ не описывает какое-либо конкретное действие, доминируют описания состояния (*«быть здоровым»*, *«быть нужным»*). Другая категория ответов относится к «получению» знаний и возможностям общения. Это своего рода пограничные случаи, так как в ответах обучение рассматривается как процесс получения блага от кого-то, как потребительский процесс, также и общение требует всегда второй стороны.

К отдельной группе можно отнести ответы, содержащие активные глаголы, например *«узнать»*, *«научиться»*, *«знать больше»* и т. д. Однако они не содержат конкретизации деятельности с определенным предметом – либо это деятельность беспредметна, либо пожилой человек предстает в качестве пассивной стороны.

Это свидетельствует о том, что сфера самостоятельной деятельности у пожилых людей предельно сужается, конкретное действие не является предметом мысли, желания, осознания. Это сужение настолько сильно, что самостоятельная деятельность становится предметом ожиданий, превращается из деятельности в некое внешнее событие.

В сравнении анкеты выпускников программы «Университет пожилых» демонстрируют развитие в представлениях пожилых о деятельности. В особенности в раздел желаний теперь переместились походы в театр, на концерты и т. п. Конкретизировалась сфера собственной деятельности, во многих анкетах появились выражения типа *«Хочу научиться водить экскурсии в музее»*, *«Хочу выучить английский на 4»*, *«Хочу посадить красивые цветы и кусты на даче»*. *«Хочу хотя бы в 3 года раз съездить в санаторий»*, *«Хочу продолжать ходить в бассейн»*.

Итоги

Исследование показывает, что у пожилых людей, вышедших на пенсию, происходит деградация субъективной сферы деятельности. Представление о собственных возможностях деятельности сужается,

функция удовлетворения своих потребностей передается другим субъектам. Выраженный в желаниях образ будущего теряет конкретность, в нем доминирует представление о себе как об объекте деятельности других людей, а не как об активном субъекте.

На фоне удовлетворительного состояния физического здоровья представления о деятельности характеризуют участников исследования как немощных, зависимых индивидов, не имеющих ни возможностей действовать, ни каких-либо определенных стремлений. То есть наблюдается очевидное несоответствие между физическими возможностями и социальной жизнью человека и его субъективной реальностью.

Образовательный эксперимент программы «Университет пожилых» в Самаре [Проскурина, 2018] показал, что образ деятельности пожилых людей подлжит изменению посредством традиционных педагогических методик в рамках общеобразовательной программы. Специально разработанная образовательная программа, нацеленная на развитие личности участников, существенно корректирует указанные тенденции разрушения субъективности у пожилых людей.

Пожилые люди, пришедшие в Университет пожилых, испытали деформацию, связанную с изменением их социального статуса. Потеряв возможность формального участия в общественной жизни (профессиональной деятельности), они не нашли возможностей, не выработали новые способы продуктивной деятельности. Эта деформация отражается в их субъективном образе деятельности. Образовательные программы могут скорректировать это нарушение и подготовить пожилых людей к новой социальной деятельности, в частности, к деятельности по передаче социального опыта другим поколениям.

Университеты пожилых, таким образом, могут быть частью механизма ресоциализации пожилых. Для этого необходимо, во-первых, чтобы образовательные программы целенаправленно развивали личность пожилых людей, способствовали формированию у участников соответствующего образа деятельности.

При этом педагогическая коррекция, конечно, не устраняет социальных причин возникновения деформации субъективной сферы деятельности пенсионеров. При сохранении объективных общественных условий десоциализации этот недуг продолжит распространяться ежедневно и более интенсивно, чем любое вирусное заболевание. Для того чтобы образовательные программы, такие как Университет пожилых в Самаре, стали частью действующего социального механизма ресоциализации, продуктивная деятельность пожилых как социальной группы должна обеспечиваться государством (Подробно об этой проблеме см. [Нечаев, 2018a]).

В заключение хочется попросить читателей отвлечься от научной составляющей этого текста и обратить внимание на процитированные слова пожилых людей об их желаниях и ожиданиях. В этих кратких строчках видна забота и беспокойство о близких, о нашем обществе, искреннее желание быть нужными. Можно ли поверить, что такая человеческая доброта превращается в агрессию, даже асоциальное поведение? Но, к сожалению, это происходит. Причиной этому не черствость

конкретных людей. Индивидуально люди делают что могут: подают милостыню старушкам или оплачивают нуждающимся простые обеды в кафе по новой московской традиции или даже становятся опекунами для одиноких стариков. Но эти акты персональной благотворительности существуют совершенно в другой реальности по отношению к действительной проблеме пожилых людей. Когда мы лишаем целую социальную группу возможности социальной деятельности, лишаем людей возможности осуществлять базовую человеческую потребность быть нужными, мы фактически из живого делаем неживое, из доброго – злое. Моральность общества состоит не в великодушной готовности отдельных людей поделиться маленькой частью своего дохода с нищим, а в создании таких социальных механизмов, когда от каждого по возможностям...

Список литературы

- 1 Башкатова А. Министры преувеличили демографическую нагрузку // Независимая Газета. 15 марта 2018. URL http://www.ng.ru/economics/2018-03-15/1_7190_demografia.html
- 2 Демидов В. П. Старость как социально-философский феномен : автореф. дис. ... к.филос.н. : спец. 09.00.11. – Н. Новгород, 2005. – 34 с.
- 3 Дьяченко Л.И. Феномен старости в современном обществе: социально-культурная и личностная экспликация : автореф. дис. ... к.филос.н. : спец. 09.00.11. Казань, 2009. - 22 с.
- 4 Нечаев А.В. Желания и ожидания: социально-философский взгляд // Социальные явления. 2015. № 1 (3). С. 10–21.
- 5 Нечаев А.В. О деятельности – на самом деле // Социальные явления. 2016. № 2 (5). С. 5–22.
- 6 Нечаев А.В. О пожилых и пенсиях // Социальные явления. 2018а. № 2 (9). С. 6–14.
- 7 Нечаев А.В. Социально-философские основания ресоциализации пожилых // Ресоциализация пожилых / отв. ред. А. В. Нечаев. – Самара: Офорт, 2018б. С. 7–36.
- 8 Проскурина А.А. Практические аспекты ресоциализации пожилых через образование // Ресоциализация пожилых / отв. ред. А. В. Нечаев.– Самара: Офорт, 2018. С. 37–57.
- 9 Ресоциализация пожилых / отв. ред. А.В. Нечаев. – Самара: Офорт, 2018. – 109 с.
- 10 Baker D.I., Pallett-Hehn P. Care or control: Barriers to service use by elderly people // J. Appl. Gerontol. vol. 14, no. 3, 1995, p. 261–274.
- 11 Gallant M.P., Spitze G.D., Prohaska T.R. Help or Hindrance? How Family and Friends Influence Chronic Illness Self-Management among Older Adults // Res. Aging. vol. 29, no. 5, Sept. 2007, p. 375–409.
- 12 Levy-Storms L., Lubben J.E. Network Composition and Health Behaviors Among Older Samoan Women // J. Aging Health. vol. 18, no. 6, Dec. 2006, p. 814–836.
- 13 Noelker L.S. et al. Attitudinal Influences on the Elderly's Use of Assistance // Res. Aging. vol. 20, no. 3, May 1998, p. 317–338.
- 14 Schack S., Frank R.S. Police Service Delivery to the Elderly // Ann. Am. Acad. Pol. Soc. Sci. vol. 438, no. 1, July 1978, p. 81–95.
- 15 Thanakwang K., Soonthornhada K. Mechanisms by which social support networks influence healthy aging among Thai community-dwelling elderly // J. Aging Health. vol. 23, no. 8, 2011, p. 1352–1378.